

личает конструктивизм сегодняшнего дня от умонастроения 1920-х гг. Конструктивистское умонастроение (как контекст) раскрывает для нас сегодня те неявные предпосылки, так сказать, тайну «радикального конструктивизма». Если конструктивисты начала XX в. стремились формировать новую среду обитания, чтобы в ней постепенно менялся Человек (абстрактный), то современные конструктивисты не ставят себе такой масштабной задачи. Они работают на «микроуровне», на уровне изменения сознательного и бессознательного отношения конкретного человека к окружающей реальности. Конструктивисты 1920-х гг. меняли мир вещей для того, чтобы изменить человека, строили вокруг него «вторую» природу для того, чтобы в ней изменился он сам. Именно на это были направлены исследования Выготского и его последователей. Сегодняшние конструктивистские установки связаны с попытками изменить самого человека, поскольку граница между миром и человеком, между «первой» и «второй» природой переместилась в сознание. И попытки сконструировать «мягкий» и «удобный» мир связаны с манипулированием сознанием человека. Поэтому и роль культурно-исторической психологии как интегрирующей психологическую проблематику меняется. Перед ней встают иного типа интегративные задачи, в осмыслении которых нам может помочь обращение к ее общегуманитарным истокам. Актуальной и острой задачей культурно-исторической психологии в современной нам культуре становится защита человека от манипулирования через понимание гуманитарных аспектов общения, не сводимых к коммуникации.

Глава 7

Парадоксы психологии: свобода и ответственность

Нам союзно лишь то, что избыточно.

О. Мандельштам

Понятие «свобода» едва ли поддается определению. С одной стороны, это предельная абстракция, с другой — вполне конкретная, осязаемая реальность или мечта о ней. Свобода — это потребность, мотив, цель, средство, результат поведения и деятельности. Однако в их структуре свободе трудно найти какое-либо определенное место. Тем более что она далеко не всегда там присутствует. Свобода — это невыносимый дар и тяжкий труд. Притом такой труд, который ничего не производит, кроме... еще большей свободы. Не вдаваясь в ее дефиниции и различие ее видов, перейдем к примерам и парадоксам. Пока для понимания последних достаточно только одной ее размерности — числа степеней свободы живого ли, мыслящего ли тела.

Ясно, что увеличение числа степеней свободы есть расширение возможностей поведения и действия живого существа. Однако такие возможности не используются автоматически. Для этого должны быть соответствующие стимулы. Их роль выполняет нужда в чем-то, недостаток, потребность, мотив, желание, мечта и т. д. и т. п. Общеизвестно, что живое существо — существо недостаточное. Напомним принцип Ж. Батая: «В основе каждого существа лежит принцип недостаточности». Соотечественник Батая М. Бланшо, развивая его идею, сказал, что человек облагает избытком недостатка, недостатком и обусловленный, — это вечно неутолимое стремление к человеческой недостаточности¹. Действительно, «самодостаточность» — редчайшее явление в человеческом обществе. К тому же до нее нужно еще дожить. Но избыток

¹ Бланшо М. Неопишемое сообщество. М., 1998. С. 16.

недостатка может иметь смысл лишь в том случае, если имеется избыток возможностей, которые хотя бы в малой степени могут утолить испытываемую недостаточность.

Мы вновь возвращаемся к избытку степеней свободы и можем предположить, что в основе развития человека, в основе его поведения и деятельности лежит избыток недостатка, помноженный на избыток свободы. Оба избытка обеспечивают бесконечное разнообразие траекторий развития, поведения, деятельности человека. Бланшо, несомненно, прав, считая, что недостаточность не определяется моделью достаточности. Она стремится не к тому, чтобы положить ей конец, а, скорее, к избытку неполноценности, только усугубляющемуся по мере его нарастания. Поэтому-то при всем избытке возможностей человек — существо принципиально незавершенное и незавершимое.

Главная мысль, которая будет иллюстрироваться далее, состоит в том, что получение строгого, в пределе — единственного, результата (практического, когнитивного или аффективно-личностного) достижимо лишь при условии огромного числа возможных путей к нему. Иначе, свобода есть условие развития, творчества, да и не только творчества. Рассмотрим это на, казалось бы, простейшем, примере осуществления свободного и целесообразного человеческого действия. Условимся, что закон свободного действия находится «внутри нас». Приведем одно из лучших его описаний: «Представим себе, что действие есть некое сочетание разных шагов, например, сочленение нескольких шарниров, и оно происходит таким образом, что ни один из шарниров не производит никакого спонтанного неконтролируемого движения, не порожаемого самим действием. То есть внутри действия не только нет никакой “пляски святого Витта”, но и вообще не порождаются никакие движения, кроме одного. Такое действие, внутри которого нет никаких элементов, имеющих зависимое происхождение, и называется свободным, и такое действие безошибочно»².

Так, Мамардашвили любил повторять античную сентенцию (как максимум) о том, что свободный человек не совершает ошибок. Но ведь реальность осуществления наших действий совершенно иная. Какой необходим труд для того, чтобы «наши шарниры» не производили никакого спонтанного, неконтролируемого движения?

² Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993. С. 252.

Анализируя анатомический аппарат произвольных движений, Ухтомский подчеркивал необычайную его сложность, намного превосходящую сложность самых хитроумных искусственных механизмов, контролируемых человеком. Эта сложность создается, во-первых, благодаря чрезвычайной подвижности кинематических цепей человеческого тела, которая исчисляется десятками степеней свободы. Число степеней свободы, характеризующих, например, подвижность кончика человеческого пальца относительно грудной клетки, достигает шестнадцати. Это означает, что в пределах диапазона вытянутой руки палец может двигаться любым образом и в любом направлении так, как если бы он совершенно не был связан с остальным телом, и может занимать любые положения по отношению к другим звеньям руки.

К этому следует добавить многозначность эффектов мышечных напряжений при непрерывно меняющемся исходном состоянии мышц, а также то, что в динамике двигательного акта большую роль играют внемышечные, неподвластные организму внешние и реактивные силы. Задача построения движения в предметной ситуации является фантастической по своей сложности. Чтобы решить ее, тело, обладающее психикой, вынуждено каким-то нерациональным, нерассудочным путем постичь сложнейшую физику (статику, динамику, кинематику, сопротивление материалов) конкретной предметной ситуации и согласовать ее с телесной биомеханикой.

Ученые многих психологических лабораторий мира пытаются ответить на вопрос, поставленный когда-то Ньютоном: «Каким образом движения тел следуют воле?..» Не лучше обстоит дело и с другой стороной этого вопроса, отмеченной Спинозой: «То, к чему способно тело, никто еще не определил». Способности действительно безграничны, и их источник в огромном и избыточном по отношению к каждому исполнительному акту числу степеней свободы кинематических цепей человеческого тела. Таким образом, можно сформулировать *первый парадокс*: избыточное число степеней свободы представляет собой необходимое условие осуществления необыкновенных и далеко еще не раскрытых возможностей человеческого действия, а способы их преодоления составляют тайну механизма построения свободного целесообразного, точного действия.

Неоценимый (и пока недостаточно оцененный) вклад в раскрытие этой тайны внесли исследования Н. А. Бернштейна о по-

строении движений и А. В. Запорожца о развитии произвольных движений. Без учета их результатов невозможно понимание природы человеческих умений и навыков.

Не случайно возможности человеческого действия описываются в таких терминах, как сенсомоторный, или практический, наглядно-действенный интеллект. Эта первая (не смешивать с низшей) форма интеллекта является основой и «учителем» других, более поздних его форм. Подчеркнем, что эта необходимая форма интеллекта непосредственно вплетена в предметную деятельность, в ее пространственно-временные формы, и она не утрачивает своего значения при появлении более поздних форм. Уже на ранних стадиях развития интеллекта возникает детерминизм по цели, когда цель как идеальный образ будущего, образ должного детерминирует настоящее, определяет собой реальное действие и состояние субъекта.

Второй парадокс относится к формированию образа мира и его свойствам. В психологии много усилий было направлено на решение классической проблемы: «как мы видим вещи такими, какие они есть в действительности?» Известно, что, для того чтобы правильно воспринимать мир, необходим период сенсорного и перцептивного научения. В специальных исследованиях демонстрируется существование манипулятивной способности зрительной системы; она может вращать образы (это так называемое умственное вращение), трансформировать и комбинировать их. Другими словами, образ также обладает избыточным числом степеней свободы по отношению к оригиналу. Хорошо известно, что такое свободное течение образов, полет фантазии, поток сознания, в котором присутствуют образы, сновидения, богатое (или больное) воображение, порождающее самые невероятные сочетания, трансформации и деформации образов.

Образ мира, создаваемый человеком, не только полнее, шире, глубже, чем требуется для решения сиюминутных жизненных задач. Он принципиально иной, чем отраженный в нем мир Человеку мало того, что мир сам по себе неисчерпаем для познания, что создание его образа требует всей жизни (к тому же при негарантированном успехе). Человек строит образ не только реального, но и вымышленного мира (возможных миров), а иногда и поселяется в нем. Ведь фантазия дискриминирует настоящее. В раю она не

нужна. Поэтому образ мира избыточен в том смысле, что содержит в себе то, чего в реальном мире нет, еще не случилось, даже то, чего не может быть никогда. Образ мира имеет в своем составе не только прошлое (часто ложно истолкованное), а хорошо или плохо предвидимое будущее. Без этого за образом настоящего, реального, случившегося была бы пропасть.

Образ будущего — это «промер». Хотя он крайне сложен, но зато избавляет человека от страшно неудобного положения «над пропастью». Впрочем, некоторых она влечет.

Точно так же, как и при построении движения, при построении образа задача состоит в том, чтобы преодолеть избыточные и неадекватные образы и построить один, нередко единственно верный. Следовательно, *второй парадокс* может быть сформулирован так: избыточное число степеней свободы образа по отношению к оригиналу представляет собой необходимое условие однозначного восприятия действительности, верного отражения ее пространственных и предметно-временных форм. Этот процесс настолько сложен, что его характеризуют как перцептивное действие, так и образный, или визуальный, интеллект. Отсюда и распространенные метафоры: «живописное соображение», «разумный глаз», «глазастый разум», хорошо поясняющие, что такое «визуальное мышление». Операциональная сторона образного мышления двояка: с одной стороны, образ обеспечивает целостное видение сложной ситуации, с другой — благодаря манипулятивной способности зрительной системы он перестраивается в интересах решаемой задачи. В образном плане возможно неоднократное проигрывание действия до действия.

Этот интеллект представляет собой следующую форму развития, которая, в свою очередь, вслед за предметным действием не только выступает в качестве основы и «учителя» его более поздних форм, но и не утрачивает своего самостоятельного значения. В своих ответах на анкету Ж. Адамара Эйнштейн писал, что в качестве элементов мышления у него выступают более или менее ясные образы и знаки физических реальностей. Эти образы и знаки как бы произвольно порождаются и комбинируются сознанием.

Третий парадокс относится к вниманию. Мир безграничен и бесконечен. Погрузиться в него можно, а погрузить его весь в себя — затруднительно. Нельзя сказать, что в мире много лишне-

го, но он несомненно избыточен. Это предполагает наличие механизма преодоления избыточной информации, селекции того, что необходимо для жизни, для дела. Значит, между миром и живым существом должен находиться селективный механизм, своего рода мембрана, которая пропускает лишь необходимое. А что необходимо, заранее знают лишь косные инстинкты и близорукие рефлекссы, которых у человека маловато, что не случайно. Человеческий мир динамичен, неопределен, скверно предсказуем.

Устройство этого механизма должно быть соизмеримо со сложностью непредсказуемого мира и со сложностью еще менее предсказуемого Другого, с которым приходится общаться, сотрудничать, соперничать... Это нештучные требования, которым не могут удовлетворять никакие инстинкты и рефлекссы, какие бы мы в них мыслимые и немыслимые усложнения ни вводили. Таким требованиям удовлетворяет наше избыточное и свободное внимание³, которое можно назвать селекторным механизмом, мембраной, ситом и дырявым решетом. Внимание обладает целой палитрой, на первый взгляд, противоречащих друг другу свойств, а на самом деле дополняющих одно другое: активное — пассивное; произвольное — непроизвольное (послепроизвольное); пристальное — рассеянное; концентрированное — диффузное; фокусированное — распределенное; избирательное — случайное; устойчивое — подвижное и т. д. Особо выделим свойство переключаемости внимания как возможный механизм управления самим вниманием, механизм, с помощью которого оно переходит, например, от непроизвольного к произвольному или от сосредоточенности к рассеянности. Этот таинственный механизм способен одновременно держать две, казалось бы, несовместимые вещи: свободу и закон. Поясним это. Всем известна, например, команда: «На старт! Внимание! Марш!» Тренеры учат своих подопечных собраться в паузе не только физически, но и морально, если угодно — духовно. Они прельщают «вкусом победы». Собраться перед стартом — это одно, правда, растянутое, но мгновение. В это мгновение максимально обострена чувствительность (внимание) к ситуации (необходимо быть готовым к выстрелу стартового пистолета) и столь же обострена чувствительность (внимание) к самому себе, к телу, к теле-

³ См.: Дормашев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. М., 1995.

сной биомеханике (нельзя упредить команду или задержаться на старте). В таком предстартовом состоянии обе формы чувствительности, т. е. внимание к ситуации и к себе, как бы слиты воедино. Это и есть одновременное держание двух несовместимых вещей.

Значит, внимание — не просто флегматично-умная мембрана, которая заранее знает, что, когда и куда допустить или презреть. Приставка-мембрана, видимо, есть, но не сама она внимание, а необходимое условие возникновения состояния внимания, состояния, которое может быть перцептивным, интеллектуальным, эмоциональным, даже страстным. Внимательный читатель может возразить, что пример с предстартовым состоянием — это экзотика, а внимание — вещь постоянная, обыденная. Обратимся к Ухтомскому, на основании учения о доминанте которого может быть построена полноценная теория внимания: «Научиться часами сохранять неподвижную позу для того, чтобы рассматривать предмет “вполне объективно”, как будто тебя самого тут и нет, это прежде всего достижение в области двигательного аппарата и его иннервационной дисциплины»⁴. Значит, внимание — это, по Ухтомскому, не суета сует, а прежде всего торможение, причем не только в физиологическом смысле: «Процесс возбуждения оформляется и направляется торможением. Сам по себе он есть слепое ширение, дикий камень, ожидающий скульптора»⁵. Торможение обычно понимается как прекращение действия или недействие. В свете размышлений Ухтомского, это сложнейшее действие по выбору направления, по оформлению — формированию действия. Скульптор действия — лишь одна из ипостасей внимания.

Таким образом, внимание — это состояние всего организма, как доминанта, как установка, это его целостная модификация, как сказал бы Д. Н. Узнадзе. И такая модификация может длиться часами. Соответственно, собирание себя может длиться не мгновение, даже не часы, а всю человеческую жизнь. Такое ведомо было еще Декарту. М. К. Мамардашвили называл это усилием человека *быть*.

Следовательно, *третий парадокс* состоит в том, что наличие избыточных степеней свободы внимания, обеспечивающего индивиду практически неограниченное пространство выбора, является

⁴ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 253.

⁵ Там же. С. 132.

необходимым условием его избирательности и предельной концентрации. Внимание не только допускает мир в человека, но и отгораживает его от мира. Отстранение от мира бывает условием выживания. «А вот еще превосходная картина того, как могущественна доминанта в своем господствовании над текущими раздражениями. Пьер Безухов, тащившийся на изъязвленных босых ногах по холодной октябрьской грязи в числе пленных за французской армией и не замечавший того, что представлялось ему ужасным впоследствии: “Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, подобно тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму”»⁶.

Внимание-мембрана локализована не в организме и не вне его, это пограничье (как у М. М. Бахтина — культура). Мембрана обладает двусторонней проводимостью, а когда человек в «горячем» состоянии, то и сверхпроводимостью (он может кожей чувствовать аффективные смыслы), как керамика в «холодном» состоянии. Мембрана может что-то допустить из внешнего мира в свой, может что-то отфильтровать, почти «ослепнуть». Равным образом, мембрана может быть более или менее проницаемой для того, чтобы отпустить нечто, рвущееся изнутри живого существа вовне, на волю.

Вернемся к избыточности мира. Чтобы ее преодолеть, нужно уже иметь образ искомого, притом не расплывчатый, а при всей его собственной избыточности определенный. Ранее мы сравнивали работу внимания с работой скульптора, который отсекает от «дикого камня» все лишнее, кроме того, что он видит внутри него. Когда же скульптор ошибается, отсекая что-то от своего образа, он испытывает физическую боль. Значит, в глыбе мрамора находится искомый образ, а в этом образе — сам скульптор. Он не ищет образ в глыбе, а освобождает его (и себя) из нее. Внимание — это усилие по удержанию своего образа, по держанию себя в вынесенном из себя образе. Удержать такое видение можно лишь на гребне возобновляемого усилия.

Внимание — это усилие по сохранению себя и своего образа (или маски?) в мире. Без него слишком велик риск утратить, потерять свое лицо. Внимание — это и усилие по удержанию пред-

⁶ Там же. С. 100.

мета собственной деятельности и *переживание усилия*: «Откуда оно берется при произвольном внимании? Нам представляется, что оно берется из добавочной сложной деятельности, которую мы называем *овладением вниманием*. Совершенно естественно, что это усилие должно отсутствовать там, где механизм внимания начинает работать автоматически. Здесь есть автоматические процессы, есть конфликт и борьба, есть попытка направить процессы внимания по другой линии, и было бы чудом, если бы все это совершалось без серьезной внутренней работы субъекта, работы, которую можно измерить сопротивлением, встречаемым произвольным вниманием»⁷. Подобное переживание усилия при произвольном внимании хорошо известно каждому.

Итак, внимание, будучи само сложной формой деятельности и одновременно состоянием индивида, выступает в качестве стержня всех других видов и форм деятельности. Это кажется странным, но лучше переоценить его значение, чем потерять себя или предмет деятельности и ее саму.

Четвертый парадокс относится к человеческой памяти, для которой характерны не только забывание, но и вытеснение, *включающее трансформацию и переосмысление (часто произвольное)* ранее случившегося, а также реконструкции при воспроизведении и многое другое. Исследователи все больше приходят к убеждению, что динамические (свободные) свойства памяти преобладают над ее консервативными свойствами. Избыточное число степеней свободы ассоциативных (по сходству, смежности и контрасту) и смысловых связей обеспечивает не только удивительную емкость, но и готовность к отклику, доступность человеческой памяти. В этом и заключается *четвертый парадокс*.

Во многих исследованиях памяти было показано, что не память является детерминантой деятельности, а, наоборот, последняя определяет процессы памяти, влияет на объем, скорость, точность процессов запоминания, хранения, извлечения и воспроизведения материала. Действие не только представляет собой средство, соединяющее прошедшее с будущим, но и содержит элементы предвидения и памяти в своей собственной фактуре. Через действие память включается в жизнедеятельность индивида, а не яв-

⁷ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 202—203.

ляется внешней силой по отношению к ней. Вплетенность памяти в жизнедеятельность, как это ни странно, делает ее относительно независимой от индивида. «Освобождаясь» от него, память наполняется бытийными характеристиками, приобретает вневременные свойства и тем самым обеспечивает удивительную свободу действия в реальной предметной ситуации и не менее удивительную свободу познания мира⁸.

Подобное освобождение может иметь и гипертрофированные формы. Тогда память оказывается главным центром не только личности человека, но и всей его жизни. А. Р. Лурия более тридцати лет наблюдал и изучал память, личность, судьбу замечательного мнемониста Ш., что нашло отражение в его «Маленькой книжке о большой памяти» (1968). Он назвал память выдающимся «экспериментом природы». Его память не имела *ясных границ* не только в объеме, но и в прочности удержания заложенного материала. Приведем лишь два эксперимента над Ш., характеризующих сильные и слабые стороны его памяти (оба не вошли в книгу).

В первом эксперименте А. Р. Лурия привел Ш. в студенческую аудиторию, рассказал о нем и его памяти, потом неожиданно для Ш. попросил его вспомнить список слов, предложенный ему для запоминания двадцать пять лет назад на одном из первых испытаний его памяти. После непродолжительной паузы Ш. воспроизвел... 300 слов. Между его рядом слов и рядом слов в протоколе было лишь одно расхождение: Ш. сказал «знание», а в протоколе было «знамя» (или наоборот?). Это слово было написано на сгибе листа, а за четверть века протокол порядком обветшал. Студенты, конечно, поверили мнемонисту, а не протоколу. Это и означает отсутствие *ясных границ* объема памяти и прочности сохранения. Следует учесть, что Ш. сделал свою память профессией, демонстрируя ее на эстраде. На упомянутый список слов наслоились тысячи других.

Одним из приемов запоминания Ш. было расположение предьявляемого материала на хорошо известных ему пустынных (как, например, ранним утром) улицах. Мысленно, гуляя по ним, он читал и воспроизводил увиденное.

⁸ См.: Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание, М., Воронеж, 1996; Зинченко В. П., Величковский Б. М., Вучетич Г. Г. Функциональная структура памяти. М., 1980.

Для большей убедительности памяти Ш. приведем конкретный пример запоминания им длинного ряда, состоящего из бессмысленного чередования одних и тех же слогов:

МАВАНАСАНАВА
НАСАНАМАВА
САНАМАВАНА
ВАСАНАВАНАМА
НАВАНАВАСАМ
НАМАСАВАНА
САМАСАВАНА
НАСАМАВАНА и т. д.

Ш. воспроизвел этот ряд. *Через четыре года* он по просьбе Лурия восстановил путь, который привел его к запоминанию.

Второй эксперимент с Ш. провел А. Н. Леонтьев. По просьбе московских актеров (для которых память особенно значима) Леонтьев прочел им лекцию о памяти и продемонстрировал возможности памяти Ш. Когда удивление и восхищение достигло апогея, Леонтьев неожиданно для Ш. провел с ним небольшой эксперимент, показавший актерам, что их память не столь безнадежна, как им показалось. Ш. было предъявлено всего 50 слов. Он воспроизвел их с начала до конца и в обратном порядке. Затем Леонтьев попросил Ш. и публику вспомнить лишь одно слово из списка, обозначавшее заразную болезнь. Ш. он просил назвать это слово, а тех, кто вспомнит, поднять руку. Мгновенно все подняли руки, а Ш. «отправился на улицу» и более трех минут вспоминал слово «тиф». По нашему мнению, этот блистательный эксперимент показал различие между живой — человеческой и мертвой — машинной памятью, устроенной даже не по ассоциативному, не говоря уже о смысловом, а по адресному принципу. Кстати, ассоциативная и смысловая организация вовсе не исключает адресности, как и избыток степеней свободы кинематических цепей человеческого тела вовсе не исключает монолитности и жесткости целесообразных действий, не исключает и мертвых, машинообразных движений. Мы часто несправедливо, а еще чаще — лукаво грешим по поводу недостатков своей памяти. Ларошфуко тонко заметил, что «все жалуются на свою память, и никто не жалуется на свой ум».

Между прочим, память любого человека характеризуется отсутствием *ясных границ* относительно объема и прочности. Все знают

десятки тысяч слов родного языка (активный словарь, разумеется, меньше), многие владеют иностранными языками, а Анна Ахматова и Иосиф Бродский (по словам последнего) знали еще и все рифмы русского языка. Так что по поводу объема и прочности памяти любой человек может поспорить с Ш. Что касается точности буквального воспроизведения, то за нее великому мнемонисту приходилось расплачиваться свободой оперирования хранимым в его памяти содержанием. И не только этим.

Многие годы спустя, после вышеописанных экспериментов Лурии и Леонтьева, одному из авторов этой книги пришлось изучать процессы хранения и переработки информации в зрительной кратковременной памяти. Оказалось, что Ш. «сидит» в каждом человеке. Первые уровни (блоки) хранения, получившие названия сенсорного регистра и иконической памяти, имеют, как и память Ш., неограниченный объем, но очень малое время хранения: соответственно, 70 и 700 мс. Этого времени достаточно для первичной обработки, выбора полезной информации и передачи ее на другие уровни обработки или хранения, например для передачи в слуховую память. После всех этих процедур первые уровни зрительной кратковременной памяти освобождаются для приема новой информации. Если представить себе, что на этих уровнях время хранения существенно больше, то мы окажемся слепы к изменениям, происходящим в нашем окружении. Срочная информация не сможет пробиться сквозь следы первичной памяти. Нечто подобное происходило и с Ш.

Гипертрофия развития памяти у Ш. привела к тому, что не он владел памятью, а она им. Нечто подобное предполагал К. Юнг относительно неполноценных функций, лежащих полностью в бессознательном. Пример Ш. подтверждает то, что такое может происходить и с высшими психическими функциями. А. Р. Лурия высказал надежду, что психологи, прочитавшие книгу, попытаются открыть другие психологические синдромы и изучить особенности личности, возникающие при необычном развитии чувствительности или воображения, наблюдательности или отвлеченного мышления, волевого усилия и следования одной идее, так как подобные случаи помогут лучше понять целое. Кажется, что этому последовал лишь Владимир Набоков, который едва ли знал об этом. Романы «Защита Лужина», «Камера обскура» и другие на-

поминают маленькие книжки Лурии о великом мнемонисте Ш. и о пациенте З., утратившем по причине травмы собственный мир (автобиографическую память) и с помощью Лурия восстанавливавшим его более тридцати лет. Если сравнивать не художественные достоинства, а отношение Лурии к героям его «невыводимых историй» и отношение Набокова к героям своих романов, то, по нашему мнению, выигрывает Лурия. Набоков, коллекционировавший причуды человеческой психики, относился к своим героям как ученый-энтомолог, разглядывающий редкие виды наколотых на булавку бабочек, а Лурия — как писатель, сопереживающий своим героям.

Вернемся к парадоксам психологии. Следующий парадокс относится к интеллекту в собственном (общепринятом) смысле этого слова. И здесь мы встречаемся с аналогичной ситуацией. Интеллект — это свободное действие. Это следует понимать в том смысле, что человек может решать задачу, пользуясь языком действий, языком образов, практических обобщений («ручных понятий»), предметных и операционных значений, языком знаков, символов.

Исследователи пытаются расшифровать также язык внутренней речи, глубинных семантических структур. Следовательно, одна и та же реальность может быть описана избыточным числом языков. Индивид обладает также избыточным числом способов оперирования предметным (или формальным) содержанием, отображенным в этих описаниях. При решении задачи необходимо найти, а иногда и сконструировать язык описания, на котором задача имеет решение, найти адекватные задаче (и языку) способы преобразования условий, в которых задача дана. Значит, интеллект в общепринятом смысле слова, а на самом деле — дискурсивный, вербальный, знаково-символический, представляет собой как бы суперпозицию всех его предшествующих форм: практического «мышления предметами», сенсомоторного, образного. Это еще один шаг в направлении свободы от наличной ситуации к ее перестройке, к конструированию нового. Следовательно, *пятый парадокс* состоит в том, что получение нетривиального порой единственного результата в интеллектуальной деятельности возможно благодаря ее свободе, которая приближается к абсолютной, хотя, конечно, таковой не становится. Здесь также имеются свои способы укрощения избыточных степеней свободы, возмож-

ных описаний реальности и возможных способов оперирования в пределах каждого из таких описаний. Важную роль в этом преодолении играют движения и образы, которые связывают мышление и мысль с предметной действительностью, с ее реальными пространственно-временными формами, отягощают их, выражаясь словами К. Маркса, проклятием материи.

Рассмотрим подробнее некоторые механизмы или способы преодоления избыточных степеней свободы в мыслительной деятельности на примере достаточно противоречивых и сложных для анализа взаимоотношений, складывающихся между значением и смыслом тех или иных ситуаций.

Известно, что одного описания ситуации в системе значений (на каком бы из языков такое описание ни было осуществлено) недостаточно для решения задачи. Из этого описания должно быть извлечено (или «вчитано» в него) смысловое содержание ситуации. Без этого не начинается даже сенсомоторное действие, важнейшей характеристикой которого, согласно Н. А. Бернштейну, является *смысл двигательной задачи*, решаемой посредством такого действия.

При решении мыслительной задачи индивид строит образно-концептуальную модель условий, в которых она дана, используя для этого ранее освоенные языки их описания. Он перемещается в «мир» образов и значений, рефлектирует по поводу этого построенного «мира», оперирует предметными образами, значениями, символами и т. д. Результатом этого процесса должна быть трансформация образно-концептуальной модели в модель проблемной ситуации. Решающим в такой трансформации как раз и является установление смысла. Если на этапе построения образно-концептуальной модели фиксируется неопределенность или чрезмерно большое число степеней свободы в ситуации, то на этапе формирования модели проблемной ситуации происходит понимание, осознание и означение смысла, т. е. выделенного главного противоречия или конфликта, порождающего эту неопределенность⁹.

Смысл, в отличие от значений, складывается (извлекается) не последовательно, линейно из различных уровней языка (языков), в котором описана, дана ситуация, а схватывается нами комплекс-

сно, симультанно. Поэтому-то нередко ситуация сразу воспринимается и понимается как проблемная без предварительного построения ее образно-концептуальной модели. В таких случаях извлечение смысла, в том числе и оценка сложной ситуации, происходит прежде детального ее восприятия и без кропотливого анализа значений. Превосходной иллюстрацией такой возможности является эксперимент физиолога В. Б. Малкина, который он провел с шахматистом-гроссмейстером Т. Испытуемому на 0,5 с была предъявлена сложная шахматная позиция с инструкцией запомнить фигуры и их местоположение. После предъявления шахматист ответил, что он не помнит, какие были фигуры и на каких местах они стояли. Но он твердо знает, что позиция белых слабее.

Необходимым условием извлечения смысла и адекватной смысловой оценки ситуации является предметная отнесенность языковых и символических значений. При оперировании предметными значениями такая отнесенность дана как бы в них самих и не требует промежуточных преобразований и опосредствований. Представим себе, что шахматисту была предъявлена та же позиция, но в шахматной нотации. Можно быть уверенным, что в этом случае ее оценка заняла бы существенно больше времени.

Смысл, извлекаемый из ситуации, — это средство связи значений с бытием, с предметной действительностью и предметной деятельностью.

При решении сложных задач наблюдаются противоположные и циклически совершающиеся процессы, состоящие в осмысливании значений (в том числе — и в их обесмысливании) и в означении смыслов. Именно в этом заключается важнейшая функция сознания (рефлексии). При «голом» смысле оно не нужно, так же как оно не нужно при «абсолютной разумности». Имеется существенное различие между значением и смыслом. Значение находится в сфере языка, а смысл в сфере предметной и коммуникативной деятельности, в том числе и в сфере речи. Осмысленное (не номинальное) значение как бы переходит из сферы языка (перестает быть лишь ассоциацией между вещью и словом, ее обозначающим) в сферу мысли, становится номинативным, значением-смыслом, смысловой предметностью. Поэтому при извлечении смысла из вербальных значений индивид привлекает внелингвистическую информацию, к которой относятся образы предметной реальности, а также действия с ней.

⁹ См.: Зинченко В. П., Мунипов В. М., Гордон В. М. Исследование визуального мышления // Вопросы психологии. 1973. № 1.

Предметность — это важнейшая категория психологической науки и одновременно важнейшее свойство психической жизни человека. Предметность не совпадает с образностью, целостностью и конкретностью. «Беспредметный мир» (в смысле К. Малевича) может быть и образным, и целостным, и конкретным, но он остается при этом беспредметным, и в этом отношении он может быть и бессмысленным, если отвлечься от абстрактного художественного смысла. Смысл рождается не из слов, а из действий с предметами, из представляемых (т. е. идеальных) действий, из ценностных и творческих переживаний. При извлечении его из значений, в том числе из высказываний, предложений, сквозь последние действительно симульганно «просвечивают» предметное содержание, образы, представления, предметные значения. Словом, сквозь значения просвечивает предметный мир или пространство возможных предметных действий в этом мире, имеющих смысл для индивида.

Известно, что извлеченный человеком смысл не дан постороннему наблюдателю, он не всегда дан и субъекту познания и действия. Но тем не менее смысл — это объективная, бытийная категория: Шпет неоднократно указывал, что смысл укоренен в бытии. Соответственно, важным элементом внутренней формы слова является его предметный остов. Об этом же позднее писал Леонтьев: «Смысл порождается не значением, а жизнью»¹⁰. Можно было бы сказать, что смысл — это бытие для себя. Именно поэтому так называемое извлечение смысла из значений — это прежде всего средство связи значений с бытием, с предметной действительностью и предметной деятельностью как со своеобразными труднорасчленимыми целостностями. От характеристики смысла как бытийного и ненаблюдаемого образования имеется ход к проблеме смысла жизни (бытия), который полностью невыразим в значениях. Ср. с лермонтовским:

Мои слова печальны, знаю,
Но смысла Вам их не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать.

¹⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 279.

В противном случае мы бы его лишились. В то же время, каждая не пустая мысль, если таковая возможна, есть, по словам Шпета, мысль о смысле. Поэтому-то и мысль предметна, бытийна.

Не менее интересен и сложен для анализа противоположный процесс — процесс означения смысла, трансформации или перевода смысла в значения. Такой перевод, если он осуществлен полностью, является своего рода «убийством» смысла как такового. Означение смысла или его понимание — это вовлечение чего-то из сферы бытия в сферу языка. Не с этим ли связаны трудности выражения бытия в языке? Много в предметной действительности и предметной деятельности упорно сопротивляется попыткам концептуализации. К тому же, как говорят писатели, в недоназванном (неозначенном) мире имеется своя прелесть.

Необходим совместный анализ циклических и противоположно направленных процессов осмысления значений и означения смыслов. Они не только ограничивают степени свободы мыслительной деятельности. На стыке этих процессов рождаются новые образы, несущие определенную смысловую нагрузку и делающие значение видимым (визуальное мышление), и новые вербальные значащие формы, объективирующие смысл предметной деятельности и предметной действительности. Оба эти процесса теснейшим образом связаны с деятельностью индивида. Означить смысл — значит задержать осуществление программы действия, мысленно проиграть ее, продумать. Осмыслить значение, наоборот, значит запустить программу действия или отказаться от нее, начать искать новый смысл и в соответствии с ним строить программу нового действия. Эти процессы не осуществляются внутри самого мышления, сознания и лишь его силами. Через деятельность и действие они связаны с предметной (социальной) и субъективной реальностью, сопротивляющейся не только концептуализации, но и произвольному (свободному) обращению с ней.

Психологический анализ мышления не исчерпывается изложенным выше. Он предполагает учет человеческой субъективности, например мотивационной сферы, в том числе и борьбы мотивов (существо которой также может быть представлено как преодоление степеней свободы в побудительных силах человеческих действий и поступков). Необходимо также анализ процессов целеполагания, изучение субъективной представленности целей

и их смены в процессах мышления. Влияние субъективности на процесс и результаты мышления настолько велико, что Выготский говорил о единстве аффекта и интеллекта. Иногда это единство выражается в таких терминах, как «познавательное отношение» (Лекторский В. А.), «личностное знание» (Полани М.). Интересные соображения на этот счет имеются в рукописном наследии А. В. Запорожца, который развивал идеи Выготского об эмоциях: «Обычно люди сетуют на то, что разумные намерения и решения не реализуются вследствие того, что они подавляются аффектом. Однако при этом забывают, что при чрезвычайной подвижности и бесконечности степеней свободы человеческого интеллекта было бы жизненно опасным, если бы любая мысль, пришедшая человеку в голову, побуждала его к действию. Весьма существенно и жизненно целесообразно то, что, прежде чем приобрести побудительную силу, рассудочное решение должно быть санкционировано аффектом в соответствии с тем, какой личностный смысл имеет выполнение этого решения для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов»¹¹.

При всех ограничениях степеней свободы мыслительной деятельности, о которых уже упоминалось ранее, она представляет собой наиболее свободную форму деятельности и именно в том понимании свободы, которое выражали Гегель и Маркс.

Любая деятельность, в том числе и интеллектуальная, должна включать в себя цель, средство, результат. Наличие свободы в выборе и полагании целей с неизбежностью влечет за собой свободу в выборе средств и способов достижения результата. Отсутствие какого-либо из этих компонентов или их жесткая фиксация трансформирует интеллектуальную (и любую другую) деятельность человека в нечто иное, например в ограниченный или искусственный интеллект. Это означает, что интеллектуальную, умственную деятельность человека в принципе нельзя рассматривать вне сенсорной, перцептивной, мнемической и других ее форм. Интеллектуальную деятельность человека нельзя понять и вне анализа его мотивационной и эмоционально-волевой сферы.

Деятельность в целом — это органическая система, где, как в живом организме, каждое звено связано со всеми другими, где

¹¹ Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 70.

все отражается в другом и это другое отражает в себе все. Но этого мало. Деятельность, имеющая столь сложное строение, к тому же непрерывно развивается. Непременным признаком органической развивающейся системы является то, что она в процессе своего развития способна к созданию недостающих ей органов.

В качестве таковых индивид в своей деятельности порождает огромное пространство новообразований: новые образы, новые языки описания проблемных ситуаций, новые способы действия и принятия решения, новые цели, программы и средства их достижения, новые формы контроля за протеканием деятельности и критерии оценки ее эффективности.

А теперь обратимся к основному парадоксу психологии и сформируем исследовательские задачи, которые необходимо решить для его преодоления. Что собой должна представлять система, которая могла бы управлять перечисленными сложнейшими подсистемами сенсорного, перцептивного, мнемического, интеллектуального, эмоционально-оценочного действия, каждая из которых обладает избыточным числом степеней свободы? Каким образом направляется их активность, концентрируются и координируются их усилия на достижении поставленных целей? При этом следует помнить, что достигаемые цели и решаемые задачи являются не только адаптационно-гомеостатическими, но и продуктивными, конструктивными, творческими.

Ответ на вопрос, что представляет собой творческая, самоорганизующаяся порождающая система, имеет не только научный, но и практический смысл. Этот вопрос можно поставить в несколько иной форме. Каким образом свободная система (или семейство свободных систем) превращается в детерминированную, в пределе — жесткую систему, позволяющую получить наперед заданный, ожидаемый результат?

Известно, что успешная координация усилий жестких и даже самонастраивающихся систем недостижима при решении творческих задач. Наличие в каждой из подсистем избыточных степеней свободы оставляет пространство (и время) для координации, поисков точки приложения усилий и вместе с тем превращает их из свободных в детерминированные. Система становится детерминированной, когда она способна к активному преодолению всех степеней свободы, кроме одной. Рассмотрим некоторые общие

условия и средства преодоления избыточных степеней свободы интеллектуальной деятельности, представляющей собой суперпозицию свободных систем.

Во-первых, перечисленные подсистемы работают не изолированно. Каждая из них представляет собой функциональный орган, но вместе они составляют единую функциональную систему (организм). При решении каждой задачи это единство не дано, а задано. Соответственно и способы координации их деятельности даны не наперед, а строятся по ходу осуществления этой деятельности.

Во-вторых, каждая отдельная подсистема не может сама ограничить число своих степеней свободы. Это ограничение достигается усилиями других подсистем. Так, степени свободы кинематических цепей человеческого тела ограничиваются за счет сенсорной коррекции, за счет формирования образа ситуации и образа действий, которые должны быть в ней осуществлены. Соответственно, избыточные степени свободы образа по отношению к оригиналу ограничиваются за счет двигательной системы, за счет «обследовательского тура», поиска положения головы, глаз, при которых возможно однозначное восприятие. Следовательно, координация состоит во взаимном ограничении степеней свободы каждой из подсистем. Отсюда и термины: сенсорная коррекция движения; моторная коррекция восприятия, образа; когнитивная коррекция поведения, действия; эмоциональная коррекция мотивационной сферы и интеллектуальной активности и т. д. Перечисленные формы взаимной коррекции достаточно интенсивно изучаются в современной психологии.

В-третьих, человечество вырабатывает различные системы эталонов, норм, правил, которые усваиваются индивидом и которыми он руководствуется в своей деятельности. К ним относятся сенсорные эталоны, перцептивные и мнемические схемы, архетипы культуры, схематизмы сознания, различные табу, этические правила, моральные и нравственные нормы, социальные установки, персональные конструкты, стереотипы поведения. Все эти образования также выполняют функцию ограничения степеней свободы поведения и деятельности индивида.

В-четвертых, управление отдельными подсистемами и их взаимодействием между собой и с окружением осуществляется по типу полифонического или гетерархического объединения иерар-

хий, подчас весьма тесно связанных друг с другом, но не имеющих фиксированного центра управления. Приведенные размышления соответствуют тенденциям развития системного подхода, для которого неприменим способ оценки систем через весомость отдельных показателей: система характеризуется наличием нескольких равнозначных переменных, связанных между собой по типу динамического равновесия. Для описания последнего все меньше оказывается пригодным традиционное понимание части и целого, причины и следствия. Системная связь построена таким образом, что каждая смысловая точка системы может быть рассмотрена как ее центр. Примером такой полицентрической системы является функциональная модель предметного действия¹². В ней отсутствует самостоятельный блок принятия решения, поскольку на разных этапах работы системы эту функцию выполняют различные компоненты.

В такой полицентричности, отражающей реальную сложность развития и функционирования системы, заключается ее способность не только к ограничению степеней свободы, к перераспределению связей внутри нее, но и к умножению смыслов. Эта способность есть неперемное условие (и критерий) ее жизнестойкости.

И наконец, решающими условиями преодоления избыточных степеней свободы в поведении или в интеллектуальной деятельности являются ее предметное содержание и цель. О роли предметности речь шла выше. Относительно цели напомним слова Маркса о том, что сознательная цель, как закон, определяет способ и характер действий человека.

Рассмотренные способы укрощения свободных систем, в свою очередь, представляют собой результат становления разнообразных форм активности индивида. Их становление ведет, с одной стороны, к укрощению степеней свободы моторной, перцептивной, мнемической и т. д. систем, с другой — к возникновению новых степеней свободы поведения, действия, интеллекта. Остановимся на этом трудном для понимания факте. Прежде всего следует различать несотворенную и сотворенную свободу. Примерами первой могут служить избыток степеней свободы кинематических

¹² Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

цепей тела, избыток степеней свободы зрительного образа по отношению к оригиналу, буйство ориентировочно-исследовательских реакций (непроизвольного внимания), игра аффектов и т. д. Это своеобразный «бэби-хаос», который со временем превращается в произвольно управляемое поведение. Заметим: произвольно — значит свободно управляемое поведение. Эту новую свободу необходимо построить, сотворить, что представляет собой огромный труд.

Читатель, надемся, догадался, что несотворенная свобода — это Природа, а сотворенная — это Культура. Понятие несотворенной свободы встречается у Н. А. Бердяева. Она существует еще до Бога, где-то за Богом, с чем, разумеется, не соглашаются теологи. Используем лишь термин «несотворенная свобода», не вдаваясь в теологические споры. Для нас несотворенность свободы означает ее нерукотворность, естественность, натуральность. Строгая дифференциация несотворенной и сотворенной свободы чрезвычайно трудна, если вообще возможна. Об этом свидетельствует условность границ, которые проводились между натуральными и культурными психологическими функциями в школе Выготского. Да и в приведенных выше примерах свободных систем не преследовалась цель их строгой дифференциации. Причина трудностей здесь принципиальна. Замечательное свойство сотворенной свободы состоит в том, что она, укрощая избыточные степени несотворенной свободы, не уничтожает ее. Равным образом, в логике Выготского культурная функция, перестраивая натуральную, не уничтожает ее вовсе.

Сотворенная свобода черпает из несотворенной энергию, жизненные силы и материю (биодинамическая ткань движения, чувственная ткань образа, эмоциональная ткань аффекта) для самосозидания, для приобретения все новых и новых степеней свободы. Сотворенная свобода не только учит несотворенную, придает ей новые смыслы, перестраивает ее, ставит себе на службу, но и учится у нее. И как это ни странно, учится у нее прежде всего той же свободе и непосредственности. Перефразируя Федора Тютчева, можно сказать: при разладе с природой, в том числе и со своей собственной, сотворенная нами свобода оказывается призрачной. У поэта есть и более пессимистические строки, которые, впрочем, можно воспринять как предупреждение против человеческой заносчивости и гордыни:

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Самих себя лишь грезю природы.

Так или иначе, но чрезвычайно трудно, если вообще возможно в каждом произвольно выбранном акте отделить сотворенную свободу от несотворенной. Строго говоря, задача преодоления избыточных степеней свободы сохраняется и для построенных, культурных функций (действий, функциональных органов), для сотворенной свободы как таковой.

Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу о том, как это возможно? Поставим его несколько иначе. Есть ли в нашем доме, т. е. в нашем телесном и духовном организме, состоящем из многочисленного семейства свободных систем, хозяин? Кто главный «укротитель» этой полицентрической системы? Это довольно своеобразный укротитель, ибо результатом укрощения свободных систем является его собственное свободное действие.

Воспользуюсь одной из любимых аналогий М. М. Бахтина. Как из отдельных систем образуется полифония? «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии». И далее: «Можно было бы сказать так: художественная воля полифонии есть воля к сочетанию многих волей, воля к событию»¹³. Что это за воля, которая собирает отдельные автономные системы в то, что называлось выше: «человек собранный»? Если говорить в терминах избытка степеней свободы, то собранность означает способность укротить все степени свободы кроме необходимых, порожденных самим индивидом. Собранный человек — это свободный человек, который, по Мамардашвили, «сам становится в начало причин своих собственных поступков», оказывается «сам в начале самого себя». Понять подобное поведение, действие, деятельность неизмеримо сложнее, чем понять ситуативное, стимульно-реактивное, рефлекторное поведение, причины которого находятся вовне и которое психология худо-бедно научилась изучать и объяснять. О свободном действии можно говорить

¹³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 25.

тогда, когда появляется внутренняя или собственная система отсчета. Она, согласно Мамардашвили, составляет самоосновное, бытийное и событийное явление: «Таковым является, например, совесть. Понятие совести описывает те моральные акты и явления, которые для своего существования и свершения не имеют причин вне себя. Они беспричинны. Совесть — причина самой себя»¹⁴.

Таким образом, вопрос о том, кто хозяин нашего телесного и духовного организма, не такой простой. Хочу только предупредить относительно иллюзорности простых, казалось бы, само собой разумеющихся ответов на этот вопрос. Едва ли на роль хозяина может претендовать сознание. Оно многослойно, полицентрично, полифонично, абсолютно свободно. Оно легко преодолевает самые суровые определения бытия, такие, как пространство, время, социум, но оно преодолевает их в себя и для себя, что далеко не всегда совпадает с их преодолением для носителя сознания, для его собственного Я.

Столь же сомнительна претензия на роль хозяина инстанции Я. Резонно возникает вопрос, о каком Я идет речь? О первом, о втором? Или об одном из многих (ср.: у В. С. Библера есть термин «многаяйность», у Марселя Пруста — «роистое Я»)? Даже если какое-то из них побеждает, оно мечется в поисках смысла между бытием и сознанием: кем быть, как быть, быть или не быть?.. Хочет, но не может, как Иван Карамазов, «полюбить жизнь больше, чем смысл».

Не будем спешить с ответом, на этот вопрос. Будем идти к нему постепенно. И если он имеет смысл, попробуем на него ответить, а если не удастся, то у читателя останется знание о незнании или он найдет свой ответ.

¹⁴ Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1976. С. 28.

Глава 8 Личность, бессознательное, творчество

И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «Я».

О. Мандельштам

Я один, все тонет в фарисействе,
Жизнь прожить — не поле перейти.

Б. Пастернак

Проблематизация фрейдовской топологии сознания и личности

Проблема личности (как и проблема Я) не является специально психологической, это проблема всего гуманитарного знания. Всякий, кто прикасается к ней, ставит задачи преодоления атомизма в подходах к психике и сознанию, динамического изучения строения и проявлений целостной (цельной) личности, ее сознательной и бессознательной жизни. К такому заключению пришел А. Р. Лурия в 1923 г. в статье «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии»¹. Видимо, подобные, широко распространенные в начале XX в. интенции побудили О. Шпенглера заявить, что XX в. будет веком психологии. Прогноз не сбился. Зато он стал веком психоанализа, основной заботой которого были невротизированные люди. Однако психоанализ прославился не столько терапевтическими достижениями, сколько открытием «царского пути» к бессознательному, а соответственно, и пробуждением интереса к сознанию. Именно этим объясняется беспрецедентное влияние психоанализа на культуру XX в. (Пожалуй, вне сферы этого влияния осталась только психология.)

¹ Лурия А. Р. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М., 2003. С. 11—29.